

Олеся Герус

**Ретроградный
Меркурий
для
попаданки**

18+

Олеся Герус

Ретроградный Меркурий

для попаданки

<https://litres.ru/74372733>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вместо потомка бывшего правителя заговорщики случайно вызвали меня - блогера-астролога с Земли. Но это не страшно, ведь навыки с уверенностью нести чушь вроде "ретроградный Меркурий в асценденте" помогут мне выжить где угодно.

Вот только как теперь спасти свое блогерское сердце от этого невозможного, этого правильного, идейного, невероятно красивого и такого горячего Дариана?!

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Экстренная эвакуация с элементами клаустрофобии	14
Глава 2. Блеф на минимальных исходных данных	38
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Олеся Герус

Ретроградный Меркурий для попаданки

Пролог

Если бы кто-то спросил меня утром, чем закончится этот день, я бы уверенно сказала: бокалом просекко, разгромным постом про транзит Юпитера и, может быть, третьим за неделю скандалом в комментариях. Асцендент у меня в тот день, признаюсь честно, обещал ровно это - никакого намёка на портал, никакого намёка на мужчину с мечом. Вселенная, как выяснилось, обожает чёрный юмор.

Пол под ногами моргнул. Не качнулся, не поплыл - моргнул, как экран с плохим сигналом за секунду до того, как он полностью гаснет. И я упала - вперёд, вниз, сквозь собственную квартиру, сквозь бокал, зависший в воздухе половиной глотка, сквозь всё, что я называла жизнью последние одиннадцать лет.

Я не рухнула в тронный зал под свет тысячи свечей, чего, признаться, подсознательно ожидала бы от приличного попадания в другой мир, начитавшись форумов о таких историях. Я рухнула в сырой подвал, пропахший воском, землёй

и чужим страхом настолько густым, что его, казалось, можно было бы черпать ложкой. Прямо в центр меловых линий на полу, начерченных второпях, неровно, дрожащей рукой - я это поняла с первого взгляда, три года чтения натальных карт приучают глаз замечать, где рука дрогнула на развороте.

Круг полыхнул белым и тут же погас, будто устыдился собственной неаккуратности.

Семеро людей вокруг застыли с одинаковым выражением лиц - смесью ужаса и облегчения, как у грабителей банка, которые до последней секунды не верили, что план срабатывает. Кто-то выронил свечу, и та покатилась по камню, разбрасывая по полу маленькие огненные запятые. Кто-то издал звук, у людей обычно означающий "мамочки". Пахло горелым воском, мышами и, кажется, паникой в чистом виде - если бы у паники был запах, это было бы что-то среднее между потом и палёной шерстью.

Я лежала на боку, локоть отбит, во рту привкус меди, колени ободраны о неровный камень, а перед глазами всё ещё плясали пиксели последнего кадра моей прежней жизни: чат моего эфира, надпись "Ада, ты тут?", и я сама - с бокалом просекко, зависшая на полуслове где-то там, в другой вселенной, которая, видимо, уже начала жить без меня.

- Это не она, - сказал кто-то женским шёпотом, слишком громким для шёпота, и в голосе была та особая, дребезжащая интонация, с которой люди произносят вещи, отменяющие двадцать лет ожидания одной фразой. - Кассель, это не

она. Посмотри на неё.

- А кто, по-твоему, должен был вылезти из круга, начерченного тобой? - ответил мужской голос, бархатный настолько, что хотелось проверить карманы. - Королева соседней державы с личным приглашением и подарочной корзиной?

Я села, потирая локоть, и обвела комнату взглядом, который на Земле безотказно работал на клиентах: чуть прищуриться, чуть склонить голову, всем видом показать, что ты уже всё поняла и просто ждёшь, когда поймут остальные. Здесь этот взгляд отразился от семи лиц, как от кирпичной стены, и ушёл в никуда, не оставив даже вмятины.

- Простите, - сказала я вслух, стараясь звучать так, будто падение в чужой подвал сквозь магический круг - рутинная часть моего дня, где-то между утренним кофе и проверкой почты. - Я, конечно, не в теме местного протокола, но у меня вопрос на миллион: кто вы такие и почему у половины из вас такой вид, будто вы сейчас коллективно решаете, жить мне дальше или нет?

Никто не засмеялся. Это меня насторожило больше, чем сам подвал, чем меловой круг, чем запах горелого воска, - я одиннадцать лет зарабатывала на жизнь тем, что умела расшевелить нервного клиента одной фразой, и полное молчание в ответ на шутку значило одно: аудитория настроена серьёзнее, чем я готова была признать.

Женщина, сказавшая "это не она", оказалась худой, лет пятидесяти пяти, с седыми прядями, выбившимися из-под

платка на висок, и глубокими морщинами у рта - следом многолетней привычки поджимать губы перед тем, как соврать вслух. Она стиснула какую-то потрёпанную книгу так, что костяшки пальцев побелели, а на скуле дёрнулся мускул, будто она сдерживала не то крик, не то рыдание. Книга была её последним доказательством, что двадцать лет ожидания не прошли зря, и терять это доказательство женщина не собиралась ни при каких условиях.

- Свиток говорил о крови Сольмар, - произнесла она, обращаясь не ко мне, а к бархатному голосу, которого называли Кассель. - Не о случайной чужестранке в нелепой рубашке.

Я опустила взгляд на свою футболку с надписью "Ретроградный Меркурий - не оправдание, а стиль жизни" и мысленно поаплодировала вселенной за исключительное чувство юмора: три часа назад я надевала эту футболку как шутку для своих подписчиков, а теперь она, кажется, служила главной уликой против меня на межпланетном суде.

- Свиток, - повторил Кассель со вкусом, будто пробовал слово на язык, - говорил о крови за пределами круга неба. Он не уточнял, что круг неба обязан заканчиваться ровно на континенте, дорогая Зарайя. Вселенная у нас нынче с широкими взглядами.

Он присел на корточки напротив меня, аккуратно, чтобы не испачкать полы длинного плаща в свечном воске, и посмотрел на меня с любопытством человека, разглядывающего редкую монету неясного происхождения: то ли подлин-

ник, то ли подделка, и если подделка - то насколько дорогая и кто за неё в итоге заплатит. У него было узкое, породистое лицо, тонкие усы, аккуратно подстриженные, и глаза настолько внимательные, что я почувствовала себя единственным экспонатом на пустой выставке.

- Как тебя зовут?

- Ада, - сказала я и, не удержавшись, добавила: - Стрельцова. Хотя, судя по вашим лицам, фамилия вам ни о чём не скажет, так что можете звать просто Адой, которую вы, кажется, вызвали случайно. Или не случайно. Вы уж определитесь между собой, а то у меня от вашего спора голова кругом, а она у меня и без того сегодня прошла сквозь два мира.

- Или не случайно, - произнёс кто-то от дальней стены, и этот голос не был похож ни на один из услышанных мной за последние две минуты.

Низкий, ровный, без единой лишней интонации - будто говорящий давно решил, что эмоции в голосе так же неуместны, как крик в библиотеке. И почему-то именно от этого голоса у меня по позвоночнику пробежал холодок, какого не вызвал ни один взмах перепуганных рук остальных семерых. Я повернулась.

Он стоял в тени у лестницы, там, где свет свечей уже не доставал, - и это было единственное разумное место в комнате для его габаритов: пригнись он к любому из горящих фитилей, спалил бы половину усов, если бы они у него были. Усов не было. Была квадратная челюсть, будто вырезанная из че-

го-то, что не поддаётся точилу, тёмные, коротко стриженные волосы с одной седой прядью над левым виском, шрам через бровь, отчего левый глаз казался вечно чуть прищуренным - будто он постоянно оценивал, стоит ли собеседник его драгоценного времени. И абсолютное, почти неприличное спокойствие. То ли он ничего не боялся, то ли давно решил, что бояться уже поздно и совершенно бессмысленно.

- Дариан, - произнесла Зарайя почти умоляюще, прижимая книгу к груди обеими руками. - Скажи Касселю. Это ошибка.

- Или не ошибка, - повторил он всё тем же ровным тоном, отделяясь от стены и делая шаг вперёд, от которого свеча на ближайшем ящике испуганно качнулась, а тень его вытянулась через весь подвал, будто пыталась занять места побольше. - Круг не работает наугад, Зарайя. Он тянет то, что просили, - или то, что просить забыли, но что подходит под условие точнее всего остального.

- Условие? - переспросила я, поднимаясь на ноги и обнажившая, что колени всё ещё предательски дрожат. - Простите, я всё ещё пытаюсь понять, попала я на международную конференцию контрабандистов или в закрытую секту с дресс-кодом на чёрные плащи, а вы говорите загадками, будто у меня есть свободное время на квест с двадцатью уровнями.

Он подошёл ближе и присел так, что мы оказались на одном уровне глаз - не наклонился снисходительно, не навис

сверху, а именно опустился, как человек, привыкший оценивать угрозу с той высоты, с которой она реально исходит. Пахло от него металлом, кожей и чем-то похожим на можжевельник - контраст с подвальной сыростью настолько резкий, что я едва не сказала об этом вслух, хотя момент для комплиментов чужому парфюму был, мягко говоря, неподходящим.

- Условие, - произнёс он, разглядывая меня так внимательно, что мне захотелось поправить причёску, хотя причёски давно не было - был колтун после падения через два мира, способный напугать даже самого смелого расчёсочного мастера. - Было простым. Кровь, которую нельзя прочесть нашим небом. Ты подтверждаешь это одним фактом своего появления здесь. Дальше вопрос не в том, ошибка ты или нет.

- А в чём тогда? - спросила я, хотя уже подозревала, что ответ мне решительно не понравится.

- В том, что с тобой теперь делать, - сказал он, и голос у него на этой фразе не дрогнул ни на полтона, что почему-то напугало меня больше любого крика. Он окинул меня взглядом - не оценивающим в том смысле, в каком меня оценивали мужчины на Земле, а таким, каким инспектор оценивает груз, доставленный не по накладной. - Оставить тебя здесь - подписать приговор всем в этом подвале, если Гончие возьмут след до рассвета. Забрать тебя с собой - подписать другой приговор. Тебе.

- Отличный выбор, - буркнула я, скрещивая руки на груди в универсальном жесте "со мной шутки плохи", хотя внутри у меня всё тряслось мельче мелкого. - Обожаю, когда мне с порога предлагают меню из двух видов смерти. У вас тут вообще бывает третье блюдо, или сегодня только комплексный обед?

Уголок его рта дрогнул - едва заметно, на долю секунды, - и тут же вернулся на место, будто он запретил себе самую возможность улыбки как непозволительную роскошь в текущих обстоятельствах.

- Прекрасно, - сказал он тихо, ни к кому конкретно не обращаясь, скорее констатируя факт для собственного внутреннего протокола. - Вселенная посылает нам единственную за двадцать лет находку, а находка ещё и острит. Кто-нибудь ожидал получить обычного, спокойного, не склонного к сарказму человека? Я вот ожидал. Очень на это рассчитывал, если честно.

- Ничего не могу поделать с тем, что вселенная выбрала меня, а не какого-нибудь молчаливого философа, - парировала я, чувствуя, как злость на секунду перебивает страх. - Может, в следующий раз точнее формулируйте запрос своему свитку.

- Следующего раза не планировалось, - отрезал он, и в этой короткой фразе прозвучало что-то настолько усталое, настолько застарелое, что я невольно замолчала.

Где-то наверху, за потолком, глухо ударило - раз, другой,

третий, ровно, будто кто-то простукивал половицы сапогом, ищущим пустоту под ними. Зарайя охнула и прижала книгу к груди ещё крепче, побледнев так, что веснушки на её носу проступили отчётливее прежнего. Кассель одним движением задул половину свечей и приложил палец к губам, глядя вверх с видом человека, уже проигрывавшего эту партию однажды и запомнившего счёт наизусть.

- Гончие, - выдохнул кто-то из угла - молодой парень, до этого молчавший всё время, судя по голосу.

- Класс, - шёпотом сказала я, чувствуя, как ладони становятся липкими от пота. - Просто отличное дополнение к вечеру. У вас тут и собаки бегают?

- Не собаки, - произнёс Дариан ровно, не сводя взгляда с потолка. - Люди Регентства. Их называют так, потому что они умеют находить след по Небесному Слову - как собака по запаху.

- Небесное что?

Он не ответил - вместо этого рывком поднялся во весь рост и повернулся лицом к лестнице, и я, задрав голову, окончательно осознала масштаб проблемы: он был высоким настолько, что макушкой едва не задевал потолочные балки, и весь его силуэт против гаснущего света последней свечи выглядел как нечто среднее между стеной и приговором.

- Стой рядом со мной, - сказал он тихо, буднично, будто предлагал подержать зонт под дождём, а не выжить следующие пять минут. - И постарайся не умереть. Остальное об-

судим позже, если будет кому обсуждать.

- Обнадёживающая формулировка, - пробормотала я, но послушно шагнула ближе, чувствуя спиной холод стены и всем телом - абсурдность собственного положения: два часа назад я вела прямой эфир про транзит Венеры, а сейчас стояла плечом к плечу с незнакомым мужчиной в чужом подвале чужого мира, ожидая шагов сверху, как приговора.

Свечи погасли одна за другой, и последнее, что я увидела перед тем, как подвал утонул в темноте, - как он оборачивается ко мне на долю секунды, и в этом взгляде, коротком, как вспышка, читается не страх и не расчёт, а что-то вроде мрачного, тщательно скрываемого сожаления о том, что круг вытянул именно меня, а не кого-нибудь другого, с кем всё это можно было бы пройти значительно проще.

Ступень наверху скрипнула под чужим весом.

Я зажмурилась и подумала, что три года назад продавала людям уверенность в завтрашнем дне за три тысячи рублей сеанс. Прямо сейчас у меня не было ни одной унции этой уверенности для себя самой.

Что, впрочем, никогда меня особенно не останавливало.

Глава 1. Экстренная эвакуация с элементами клаустрофобии

Сапоги наверху остановились ровно над моей головой, и я успела подумать: что ж, отличный способ закончить самый странный вечер в истории человечества - быть найденной в подвале незнакомого мира ещё до того, как я узнаю его название.

- Вниз, - шепнул Дариан, и в темноте я почувствовала, как его рука, широкая и тёплая, обхватывает моё запястье и тянет вбок, а не вверх, что было по меньшей мере странно, учитывая, что источник шума находился строго над нами.

Оказалось, вбок - это к стене, которая при ближайшем рассмотрении стеной не являлась: панель отъехала беззвучно, будто её смазывали чаще, чем мыли посуду в этом доме, и меня вместе с ним втолкнули в щель, ширина которой предполагала близкое знакомство с чужими рёбрами. Земля моей жизни, надо сказать, никогда не готовила меня к тесноте в компании мужчины габаритов небольшого шкафа.

- Дыши тише, - сказал он мне на ухо, и я чуть не спросила, каким конкретно органом мне предлагается дышать громче обычного, но решила, что сейчас не время для сарказма. Время для сарказма наступает позже, когда опасность миновала, - это я усвоила ещё на Земле, работая с клиентами,

у которых муж только что ушёл, а гороскоп упорно обещал стабильность.

Сверху закрипели половицы. Кто-то произнёс короткую фразу на языке, который я не понимала, но интонацией безошибочно узнала: приказной тон, звучащий одинаково что здесь, что там, где я родилась. Начальник всегда говорит именно так, вне зависимости от вселенной.

Зарайя, женщина с книгой, застыла у дальней стены подвала, зажимая себе рот ладонью. Кассель исчез - буквально, я не успела заметить, куда, только полы плаща мелькнули у противоположного угла и всё. Остальные пятеро распластались по темноте настолько удачно, что я усомнилась, люди ли они вообще, или местная разновидность мебели с функцией паники.

Сапоги прошли по всей комнате наверху. Раз, другой. Что-то тяжёлое сдвинули, судя по звуку - стол или сундук. Голос, отдававший приказы, что-то спросил, ему ответили коротко, почти зло. Потом - тишина, которая тянулась настолько долго, что я успела пересчитать удары собственного сердца до сорока трёх, прежде чем сапоги наконец удалились в сторону лестницы и стихли где-то снаружи, на улице.

Панель отъехала обратно так же беззвучно.

- Обошлось, - выдохнула Зарайя, но выдохнула так, будто произносила это далеко не в первый раз в жизни и ни разу ещё не поверила себе полностью.

- На сегодня, - поправил её Дариан, отпуская моё запястье

с той же внезапностью, с какой схватил его. Он посмотрел на меня сверху вниз - и я наконец разглядела его при свете уцелевшей свечи как следует: тёмные волосы, коротко стриженные, седая прядь над левым виском, будто кто-то нарочно провёл там кисточкой, шрам через бровь. Ни следа паники, ни капли лишнего движения - будто прятаться в стенных нишах для него давно стало таким же обыденным делом, как для меня записывать сторис.

- Слушайте, - сказала я, потирая запястье, - я, конечно, страшно ценю гостеприимство, стенной шкаф был прекрасен, рекомендую всем друзьям, но может, кто-нибудь наконец объяснит мне, что происходит? Где я, кто вы, и почему та женщина смотрит на меня так, будто я лично разбила ей вазу?

- Гончие, - сказал кто-то из угла, будто это всё объясняло.

- Класс, - кивнула я. - Собаки. Замечательно. Обожаю собак. Особенно тех, что ищут людей в подвалах.

- Не собаки, - произнёс Дариан ровно, без малейшего намёка на то, что мой сарказм его хоть немного задел. - Люди Регентства. Их называют так, потому что они умеют находить след по Небесному Слову - как собака по запаху.

- Небесное что?

Кассель вынырнул из темноты рядом с уцелевшей свечой, отряхивая рукав так тщательно, будто мы только что не прятались от вооружённого патруля, а мило пили чай на светском рауте.

- Небесное Слово, дорогая гостья, - сказал он с той интонацией, с которой на Земле обычно продают недвижимость с видом на кладбище, - магия неба этого мира. Она читает судьбы по звёздам, находит людей по их рождению, определяет право на трон по крови. Единственное, чего она не может, - прочитав тебя. Именно поэтому ты сейчас здесь, а не спокойно спишь в своей постели в другом мире.

Дариан за его спиной устало провёл ладонью по лицу - жест, за которым читалась застарелая, годами тренированная привычка сдерживаться, - и пробормотал что-то себе под нос.

- Простите? - переспросила я, склонив голову набок в своей фирменной манере "я всё слышала, но дам тебе шанс повторить это мне в лицо".

- Ничего, - сказал он громче, явно решив, что произнесённое уже не спрятать обратно. - Просто в очередной раз подумал, что круг мог бы вытянуть кого угодно. Кузнеца. Пекаря. Немого монаха, приученного к дисциплине и не склонного комментировать каждое моё слово.

- Приятно узнать, что моё общество настолько его обременяет, - сказала я, адресуя реплику скорее потолку, чем ему напрямую. - Учту на будущее: в следующий раз, падая в магический портал, постараюсь упасть тише и меньше шутить. Хотя не обещаю - характер такой, знаете ли, врождённый, как асцендент.

- Не обещай, - буркнул он, и в этом коротком ответе сме-

шались раздражение и что-то очень похожее на невольное признание: спорить со мной оказалось утомительнее, чем он рассчитывал, - но и определённо не так уныло, как молчаливый монах из его же примера.

Я моргнула. Потом моргнула ещё раз, потому что первый раз явно не помог информации улечься в голове хоть сколько-нибудь ровно.

- Погодите, - сказала я. - Вы хотите сказать, что гороскопы тут реальны?

- Гороскопы, - повторил Кассель со вкусом, будто пробо-вал незнакомое слово на язык. - Забавный термин. Да. Ре-альны. Настолько реальны, что на них держится трон, война, торговля и половина законных браков в этой стране.

Что-то внутри меня одновременно взорвалось хохотом и рухнуло в обморок. Восемь лет я продавала клиентам краси-вую иллюзию контроля над будущим, зная - зная точно, - что вся эта конструкция держится на моей интуиции, харизме и умении звучать уверенно даже когда я понятия не имею, что говорю. А теперь мне сообщают, что где-то существует мир, где ровно то же самое ремесло работает буквально, взаправду, с реальными последствиями для реальных людей.

- Ну спасибо, - сказала я вслух, - вселенная наконец ре-шила надо мной пошутить настолько тонко, что я даже сме-яться не могу.

- Ты действительно занималась этим у себя? - спросила Зарайя, впервые обращаясь ко мне напрямую, и в её голо-

се прозвучало что-то среднее между ужасом и профессиональным любопытством, знакомым мне слишком хорошо: так коллеги смотрят друг на друга на конференциях, прикидывая, кто здесь настоящий, а кто вот-вот прогорит.

- Гороскопами? Ещё как. Одиннадцать лет практики, три миллиона подписчиков и репутация специалистки, готовой сказать тебе, стоит ли разводиться с мужем, основываясь на положении Венеры. - Я развела руками. - Была, наверное, стоит уточнить.

- Она пригодится, - сказал Дариан таким тоном, каким люди обычно сообщают, что заказанная мебель, к сожалению, не влезет в дверной проём. Не вопрос, не предложение - констатация факта, которую он явно уже обдумал и принял, пока остальные ещё спорили.

- Простите? - переспросила я.

- Мне не нужно твоё разрешение, чтобы решить, что с тобой делать, - сказал он, глядя на меня в упор. - Мне нужно решить это до рассвета, потому что через три часа сюда снова придут, уже с ордером на обыск, а не с формальным патрулём. Ты либо идёшь со мной сейчас, либо остаёшься объяснять Гончим, кто ты и откуда, - и поверь, второй вариант закончится для тебя гораздо хуже, чем для меня.

От такой формулировки любезности мне резко расхотелось шутить. Я посмотрела на Зарайю в поисках поддержки, но та лишь виновато отвела взгляд, поправляя браслеты на запястье, - звон получился неприлично громким для комна-

ты, где все только что старались не дышать.

- А если я откажусь от обоих вариантов и просто уйду через дверь? - спросила я, скорее из принципа, чем всерьёз рассчитывая на успех.

- Тогда ты умрёшь в первом же переулке, - сказал Кассель почти ласково, - потому что не знаешь ни языка настолько, чтобы не выдать себя за первым же словом, ни законов, ни того, что твоё лицо, платье и запах - я имею в виду в буквальном смысле, дорогая, твои духи здесь никто не носит - выдают в тебе чужестранку быстрее, чем ты успеешь договорить фразу.

Приятно, когда тебе так изящно сообщают, что ты пахнешь неправильно.

- Хорошо, - сказала я, вставая и пытаюсь придать голосу больше уверенности, чем чувствовала на самом деле. Это, впрочем, было моим коронным номером последние одиннадцать лет, так что удалось без особого труда. - Допустим, я иду с вами. Но тогда я хочу знать хотя бы минимум: куда, зачем и правда ли меня вытащили сюда специально, потому что тётушка с книгой смотрит на меня так, будто до сих пор в этом сомневается.

- Не сомневаюсь, - буркнула Зарайя. - Просто надеялась на другой результат.

- Взаимно, - не удержалась я.

Дариан коротко посмотрел на Касселя, будто спрашивая безмолвное разрешение, ответ на которое явно был согласо-

ван заранее, без моего участия. Кассель качнул головой едва заметно, скорее подбородком, чем шеей, и отвернулся к сундуку в углу, будто разговор его больше не касался.

- Идём, - сказал Дариан. - По дороге объясню то, что успею. Остальное узнаешь, когда придёт время.

- Обожаю фразу «когда придёт время», - пробормотала я, поднимаясь за ним к лестнице. - На Земле её обычно произносят прямо перед тем, как соврать в лицо.

- Здесь тоже, - сказал он, не оборачиваясь. - Просто я предпочитаю врать реже, чем большинство.

- Как трогательно, - сказала я, спускаясь за ним по лестнице и старательно не думая о том, что колени всё ещё дрожат от пережитого. - Знаешь, обычно на первом свидании мужчины хотя бы представляются полным именем, прежде чем тащить девушку сквозь тайные ходы навстречу непонятной опасности.

- Это не свидание, - отрезал он.

- Технически, - парировала я, - ты держишь меня за руку уже минут десять. По земным меркам это либо свидание, либо похищение, а поскольку выкупа ты не просил, я голосую за первый вариант.

Он остановился настолько резко, что я едва не врезалась ему в спину, и обернулся с выражением лица, в котором смешались изумление и что-то вроде мученической обречённости человека, только что осознавшего масштаб проблемы, доставшейся ему на ближайшее будущее.

- Ты всегда такая? - спросил он.

- Какая?

- Разговорчивая перед лицом смертельной опасности.

- Всегда, - подтвердила я с гордостью, которой откровенно не чувствовала внутри. - Спроси у любого моего бывшего. Это, кстати, одна из причин, почему они бывшие.

Он издал звук, подозрительно похожий на сдавленный стон, и снова зашагал вперёд, качая головой, - а я мысленно поставила себе плюсик за очередную маленькую победу: заставить этого мрачного, немногословного мужчину издать хоть какой-то звук эмоции оказалось делом почти таким же увлекательным, как чтение особенно запутанной натальной карты.

Это была, как ни странно, первая честная вещь, которую мне сказали за весь вечер, и почему-то именно она заставила меня замолчать до самой улицы.

Снаружи оказалось холодно - по-настоящему, с паром изо рта и сыростью, забирающейся под одежду, которая на мне была совершенно не по погоде: домашние штаны и футболка с ироничной надписью про Меркурий, в которых я собиралась провести вечер перед эфиром, а не бегство из чужого мира. Улица, узкая, мощёная неровным булыжником, пахла рыбой, дымом и чем-то похожим на прелые листья - смесь, от которой у меня немедленно засвербело в носу. Где-то вдалеке лаяла настоящая собака, обычная, не Гончая, и звук этот показался мне до нелепости успокаивающим.

- Куда мы идём? - спросила я шёпотом, стараясь поспевать за шагом Дариана, который двигался с той раздражающей лёгкостью крупного человека, для которого быстрая ходьба не требует усилий, а для меня требовала почти бега.

- В место, где нас не станут искать сегодня ночью, - ответил он, сворачивая в переулок настолько узкий, что мне пришлось повернуться боком. - Завтра решим, что дальше.

- Очень информативно, спасибо.

- Пожалуйста, - сказал он, и мне почудилось - почудилось же, наверное, - что в его голосе на долю секунды скользнуло что-то похожее на сухую усмешку.

Луны здесь было две, и обе выглядели неправильно - слишком крупные, с оттенком, которого я никогда не видела в земном небе, будто кто-то подкрутил насыщенность на фотографии. Между ними, по всему куполу неба, тянулись тонкие серебристые прожилки, похожие на трещины на старом фарфоре, - я не сразу поняла, что это не облака и не звёзды, а что-то третье, чему я пока не знала названия. Оно двигалось. Медленно, почти незаметно, но двигалось, будто небо дышало.

Я запрокинула голову, разглядывая их на ходу, и чуть не влетела в бочку, которую Дариан молча отвёл рукой с моей траектории, не сбавляя шага и не удостоив меня комментарием.

Мы миновали ряд домов с покатыми крышами, крытыми чем-то похожим на черепицу, только тусклее и грубее той,

что я видела в европейских городах на Земле, - каждая пластина будто вручную обожжена в печи соседа, а не отштампована на заводе. Из-под одной двери тянуло свежим хлебом, из-под другой - чем-то кислым и травяным, что я мысленно окрестила местным аналогом квашеной капусты. Где-то за поворотом кузнец, судя по звуку, ещё работал, несмотря на час, - равномерный, глухой стук металла о металл разносился по улице лучше любых часов. Город не спал. Он просто затих - так затихает всякий, кто услышал в темноте шорох и теперь напряжённо вслушивается, не повторится ли он.

Один раз мы прошли мимо колонны с высеченным на камне символом - глаз, вписанный в звезду, тот самый, что я позже увижу на форме патрульных, - и Дариан молча ускорил шаг, обходя её по дуге, будто камень мог видеть в буквальном смысле. Я не стала спрашивать. У меня накопился уже целый список вопросов, для которых явно не было времени сейчас, и этот я мысленно добавила в конец очереди, вслед за «почему две луны» и «что это за трещины в небе».

- Спасибо, - буркнула я.

- Смотри под ноги, а не в небо, - сказал он. - Здесь оно тебе всё равно не поможет.

- А раньше помогало? - не удержалась я.

Он остановился так резко, что я едва не впечаталась ему в спину. Обернулся - и впервые за вечер посмотрел на меня не как на проблему, которую нужно решить до рассвета, а как

на человека, задавшего вопрос, который его действительно зацепил.

- Раньше, - сказал он медленно, взвешивая каждое слово, - оно кое-кого убило. Так что нет. Не особенно.

Он снова пошёл вперёд, не дав мне возможности спросить, кого именно и как, а я осталась стоять на секунду дольше, чем следовало, чувствуя себя так, будто случайно наступила на что-то хрупкое в темноте - не увидев, что именно, но услышав хруст.

- Три правила, - сказал он вдруг, не глядя на меня, будто продолжал разговор, который в его голове уже давно шёл сам с собой. - Пока ты со мной. Первое: не смотри людям в глаза дольше, чем на два удара сердца. Здесь так делают только те, кто либо продаёт, либо угрожает, а ты пока не готова ни к тому, ни к другому.

- А что, если я просто дружелюбная? - не удержалась я.

- Тогда ты подозрительно дружелюбная, - сказал он ровно. - Второе: не спрашивай цену вслух на рынке. Торгуются жёстками и первым предложенным числом, а вопрос цены голосом выдаёт чужестранца быстрее, чем твой акцент.

- У меня есть акцент?

- У тебя, - сказал он, впервые за вечер позволив себе что-то похожее на кривую усмешку, - есть манера говорить так, будто каждое слово стоит денег и ты боишься продешевить. Здесь так говорят только на аукционах. Третье правило.

- Дай угадаю, - сказала я. - Не упоминать ретроградный

Меркурий в приличном обществе?

- Не упоминать вообще ничего с Земли, - сказал он серьёзно, остановившись на секунду и посмотрев на меня прямо, без обычной сдержанной дистанции. - Ни слова, ни привычки, ни жеста. Здесь у чужого неба есть одно свойство, о котором тебе стоит знать заранее: оно липнет. Люди чувствуют, когда кто-то думает не теми категориями, даже если не могут объяснить словами, что именно не так. Ты можешь выучить язык за неделю. Забыть привычки одиннадцати лет - куда сложнее.

Я промолчала, потому что крыть было нечем: он только что озвучил ровно ту мысль, которая крутилась у меня в голове с той секунды, как я поняла, что гороскопы здесь реальные, - мысль о том, что моё главное оружие, уверенность, отточенная годами практики, теперь может оказаться моим главным разоблачением.

Дальше мы шли молча. Я считала повороты, запахи, тени под карнизами, пытаюсь хоть как-то зацепиться разумом за что-то знакомое и не находя ничего, кроме двух неправильных лун над головой и ощущения, что моя прежняя жизнь - эфиры, просекко, комментарии под постами - только что захлопнулась у меня за спиной, как та панель в подвале, и открывать её обратно, кажется, никто не планировал.

Новое укрытие оказалось чердаком над кожевенной мастерской, и первое, что я поняла об этом мире, - здесь никто не изобрёл вентиляцию. Запах ударил в нос ещё на лестни-

це: что-то среднее между прогорклым маслом, мокрой шерстью и уксусом, настолько плотное, что казалось почти съедобным на вкус.

- Серьёзно? - прохрипела я, зажимая нос локтем. - Из всех укрытий вы выбрали именно это?

- Никто добровольно не станет обыскивать место, куда сам не хочет заходить, - ответил Дариан, толкая низкую дверь плечом. - Дыши ртом. Через час привыкнешь.

Он не соврал, хотя верить в подобное не хотелось. Внутри чердак оказался неожиданно просторным: стропила уходили вверх, под самую крышу, свет одной масляной лампы выхватывал из темноты сваленные тюки шкур, деревянные бочки и низкий топчан у стены, застеленный чем-то, что при ближайшем рассмотрении оказалось старым походным одеялом. Дариан зажёл лампу коротким движением - не спичкой, не кресалом, а просто щёлкнул пальцами, и фитиль занялся сам, будто это было самой обычной вещью на свете.

- Погодите, - выдохнула я. - Вы это чем сделали?

- Искрой, - сказал он таким тоном, каким объясняют пятилетнему ребёнку, что снег холодный. - У всех, кто прошёл через орден, есть немного огня в крови. Не магия в вашем понимании. Просто фокус для розжига костров без спичек.

- «Просто фокус», - повторила я. - У вас тут гороскопы реальные, а огонь из пальцев - это просто фокус. Отличная у вас шкала удивительного.

Он не ответил, занятый тем, что осматривал чердак цеп-

ким, привычным взглядом - я уже начинала узнавать этот взгляд, направленный не столько на предметы, сколько на пути отступления, которые эти предметы могли бы перекрыть или, наоборот, открыть в случае нужды. Я опустилась на топчан, чувствуя, как гудят ноги после почти часа быстрой ходьбы в неудобной обуви - домашние тапочки, в которых я собиралась провести вечер перед эфиром, оказались катастрофически не приспособлены для побега через два мира. На пятке уже наверняка красовалась мозоль размером с блин, и я мысленно добавила "нормальную обувь" в список вещей, которых мне будет не хватать сильнее, чем ожидала: где-то между кофемашиной и горячей водой из-под крана.

- У тебя есть еда? - спросила я, потому что желудок выбрал именно этот неподходящий момент, чтобы напомнить о своём существовании громким, неприлично отчётливым звуком.

Дариан молча кивнул на мешок у стены, из которого извлёк вощёный свёрток с чем-то, отдалённо напоминающим вяленое мясо, и краюху хлеба, твёрдую настолько, что постучать ей по столу было бы не хуже, чем деревянным молотком. Я откусила осторожно, приготовившись к худшему, - но оказалось неожиданно вкусно, с привкусом дыма и каких-то трав, которых я не смогла бы назвать даже под пыткой.

- Не отравлено, - сказал он, наблюдая за моим лицом. - Если тебя это беспокоит.

- Меня сейчас беспокоит примерно тысяча вещей одновременно, - призналась я с набитым ртом, что на Земле считалось бы верхом неприличия, но здесь, кажется, было наименьшей из моих проблем. - Отравленный хлеб где-то в конце списка, сразу после "правильно ли я дышу в чужом мире".

Он не ответил, занятый тем, что подтаскивал к топчану пустой ящик, видимо, в качестве стула, - и в этот момент в слуховое окно чердака, хлопая крыльями с энтузиазмом, которого я никак не ожидала от птицы в такой час, влетел ворон. Крупный, чёрный, с одним взъерошенным пером на макушке, торчащим вверх настолько нелепо, что оно казалось отдельным живым существом со своим мнением. Он приземлился на бочку, склонил голову набок и уставился на меня одним глазом с выражением, которое я мысленно определила бы как «ну и что это тут у нас».

- Милая птичка, - сказала я осторожно. - У вас тут вороны залетают в гости просто так, или мне стоит начинать паниковать по новой?

- Это Пискля, - сказал Дариан без особого энтузиазма. - Он не мой. Он ничей, если честно. Просто появляется там, где что-то интересное.

- Пискля, значит, - сказала я. - Не самое очевидное имя для существа таких габаритов.

Ворон каркнул - коротко, резко, почти обиженно - и, к моему абсолютному изумлению, произнёс человеческим голосом, скрипучим, как несмазанная дверь:

- Обзывать меня в лицо - дурной тон, между прочим.

Я замерла. Потом медленно повернулась к Дариану.

- Он что, разговаривает?

- Иногда даже слишком много, - буркнул тот, не поднимая головы от ящика, который наконец укрепил ровно.

- Слышал, слышал, - каркнул Пискля, склоняя голову в другую сторону. - Новенькая. Прибыла с фейерверком, судя по слухам, которые уже долетели до третьего квартала. И правда пахнет чужим небом. - Он наклонился ко мне ближе, разглядывая с той же бесцеремонностью, с какой светские хроникёры разглядывают чужие наряды. - Одета отвратительно, кстати. Что это на тебе за тряпка с птицей и странными закорючками?

Я опустила взгляд на свою футболку. «Меркурий уже ретроградный, готовьтесь морально» - гласила надпись под нарисованной планетой, и в свете масляной лампы, посреди чужого мира, фраза выглядела настолько абсурдно, что я не выдержала и расхохоталась - впервые за вечер, громко, до слёз, до того состояния, когда смех уже почти неотличим от паники.

- Прости, - выдавила я, вытирая глаза, - просто последние два часа моей жизни настолько превысили лимит абсурда, что говорящий ворон-критик моды воспринимается уже почти нормально.

- Комплимент принят, - каркнул Пискля с достоинством и переключил внимание на Дариана. - Гончие прочесали весь

квартал Зольщиков. Твою старую явку взяли под наблюдение ещё час назад. Тебе повезло, что вы ушли раньше.

Дариан замер, не завершив движение - рука так и осталась на пряжке пояса, который он отстёгивал.

- Насколько под наблюдение?

- Настолько, что если бы вы задержались там ещё на четверть часа, - птица говорила с явным удовольствием от драматической паузы, - я бы прилетел не с новостями, а на похороны.

Я почувствовала, как по спине снова пробежал холодок, уже второй раз за вечер, и в этот раз он был куда менее приятным, чем шёпот Дариана про «дыши тише». До этой секунды я почему-то воспринимала происходящее как экстремальное приключение, страшноватое, но с некой долей игры - как будто в любой момент кто-то выйдет из-за угла и объявит, что это розыгрыш для скрытой камеры. Но слово «похороны», брошенное вороном с таким будничным цинизмом, будто речь шла о смене погоды, стёрло эту иллюзию окончательно.

- Погодите, - сказала я тише, чем собиралась. - То есть меня ищет не просто какой-то местный участковый. Меня ищет... что, полиция? Армия?

- Регентство, - сказал Дариан, наконец расстёгивая пояс и вешая его на крюк у стены. Меч он оставил рядом, но не убрал далеко - я заметила это машинально, тем же взглядом, каким на Земле замечала, что клиент нервно теребит обру-

чальное кольцо, прежде чем спросить про измену. - Государственная служба. У них есть законное право обыскивать любой дом в столице без объяснений, если они считают, что там прячут угрозу короне.

- И я, значит, угроза короне.

- Ты - аномалия, которую невозможно прочитать Небесным Словом, - произнёс он ровно, - а Регентша Илсевет двадцать лет строит власть именно на том, что любая необъяснимая аномалия рядом с вопросом крови - это угроза. Не лично тебе с этим не повезло. Так работает система.

- Прекрасно, - сказала я, опускаясь на топчан, потому что ноги внезапно отказались держать меня стоя. - Значит, я не просто попала в другой мир без документов, знания языка и приличной обуви. Я попала в другой мир, где государство собирается меня убить за факт моего существования.

- Не убить, - поправил Пискля с той же интонацией, с какой уточняют, что суп сегодня не грибной, а овощной. - Для начала - допросить. Убить - это позже, если допрос покажет, что ты действительно та самая кровь, которую ищет Кассель. Тогда уже наверняка убьют. Причём с некоторой торжественностью, я бы сказал.

- Спасибо, - выдавила я. - Очень утешительно.

Дариан посмотрел на ворона так, что я почти услышала, как тот мысленно извиняется, хотя вслух, разумеется, ничего подобного не прозвучало - у Пискли, судя по всему, извинения были не в ходу принципиально.

- Он прав в основном, - сказал Дариан, садясь напротив меня на ящик и опираясь локтями на колени - поза, в которой не было ни капли угрозы, но и ни капли уюта тоже. - Ты не преступница в обычном смысле. Ты - вопрос без ответа, а Регентство таких вопросов не любит. Особенно сейчас, за три недели до годовщины переворота, когда весь город и так на нервах.

- Годовщина переворота, - повторила я. - Замечательно, ещё один термин, который мне нужно распаковать. Что за переворот?

- Долгая история, - сказал он, и по тому, как быстро он это произнёс, я поняла, что история не просто долгая, а больная, из тех, которые не рассказывают чужакам в первую же ночь знакомства.

- У меня, кажется, целая ночь впереди, - заметила я. - И судя по запаху этого чердака, спать я всё равно не собираюсь в ближайшие часы.

Он выдохнул носом - коротко, почти беззвучно, но именно так, как обычно смеются люди, разучившиеся смеяться в полный голос, - и покачал головой.

- Не сегодня. Тебе нужно поспать хотя бы пару часов, а мне - подумать, что делать дальше.

- А планировали вы это заранее? - спросила я. - Ну, вытащить кого-то через круг? Судя по лицам всех присутствующих в том подвале, никто, кажется, не ожидал, что получится.

- Планировали двадцать лет, - сказал он тихо, и в этой тишине после фразы было куда больше информации, чем в любом из его развёрнутых ответов за весь вечер. - Просто не рассчитывали, что получится вот так.

- Как?

- Успешно, - сказал он и, не дав мне задать следующий вопрос, поднялся, забрал лампу и отошёл к дальнему углу чердака, оставив меня в темноте наедине с вороном, запахом кожаной мастерской и абсолютно новым, тяжёлым как камень пониманием: я не заблудившаяся туристка в чужом мире. Я - деталь заговора, который готовили дольше, чем я вообще занималась астрологией, и теперь всё государство целиком было готово меня искать.

Пискля перелетел ко мне поближе, устроился на краю топчана и посмотрел на меня одним глазом с неожиданной, почти сочувственной серьёзностью.

- Добро пожаловать в Астерион, - каркнул он тихо. - Совет от старожилы: тут лучше не привыкать ни к чему слишком быстро. Даже к тому, что тебя пока не поймали.

- Спасибо, обнадёживает, - сказала я, садясь обратно и обхватывая колени руками, потому что лежать вдруг стало страшнее, чем сидеть, - лёжа слишком легко думалось о том, что подушка под головой пахнет чужой жизнью, а не моей. - Слушай, раз уж ты тут единственный, кто разговаривает со мной без угроз смертью через фразу. Что вообще за место этот Астерион? Я имею в виду, помимо очевидного - "стра-

на, где меня хотят убить".

Пискля наклонил голову в другую сторону, разглядывая меня с той обстоятельностью, с которой на Земле разглядывают редкий экспонат в музее, прикидывая, трогать его руками или нет.

- Королевство. Точнее, было королевством, пока двадцать лет назад Регентша Илсовет не решила, что королевству больше не нужен король, - сказал он, деловито почёсывая клювом взъерошенное перо на макушке. - До неё правила династия Сольмар. По слухам - жестокая, тщеславная, обожавшая казнить людей за неправильный взгляд во время аудиенции. По другим слухам - обычная династия, не хуже и не лучше прочих, просто проигравшая войну за собственную репутацию. Правда, как обычно, спряталась где-то между двумя версиями и не спешит показываться.

- А Регентша, значит, хорошая?

- Регентша, - каркнул Пискля с интонацией, которую я мысленно определила как "профессиональная осторожность", - построила дороги, снизила налоги на зерно и повесила достаточно нужных людей в первый год, чтобы остальные двадцать лет вели себя тихо. У неё в столице сытнее, чем при прежней власти, это не пропаганда, это статистика с рыночных лотков. Но каждый год, ровно в годовщину переворота, весь двор обязан предьявить толкование неба, подтверждающее, что она правит по праву, а не по силе меча. И вот это уже не статистика. Это спектакль, который разыгры-

вают заново каждый раз, потому что все причастные знают: без спектакля власть держится тоньше, чем кажется.

Я пыталась переварить услышанное, глядя на масляную лампу, огонёк которой подрагивал от сквозняка где-то под стропилами.

- А орден Дариана? Который двадцать лет что-то там планировал?

Ворон замолчал. По-настоящему замолчал, впервые за вечер, и я поняла, что случайно наступила на вопрос, ответ на который ему явно не хотелось произносить первым, - привилегия, которую он, судя по всему, берегал для кого-то другого.

- Спроси у него сама, - сказал он наконец, гораздо тише обычного. - Не моя это история, чтобы её рассказывать.

- Ладно, - сказала я, признавая поражение легче, чем ожидала от себя самой. - Уважаю границы. Даже вороны.

- Не вороны, - поправил он с достоинством. - Мои личные, у меня их немного, но те, что есть, я берегу.

Я легла, не раздеваясь, глядя в стропила потолка, и впервые за вечер позволила себе подумать не «как выжить следующие пять минут», а простую, оглушительно тоскливую мысль: моя прежняя жизнь только что превратилась в вопрос без ответа, спрятанный на чердаке кожанной мастерской, и никто, ни одна живая душа на Земле, даже не заметит, что я пропала. Мама решит, что я не вышла на связь из-за очередного дедлайна. Подписчики решат, что я взяла паузу пе-

ред ребрендингом. И только пустая квартира с недопитым просекко на столе будет знать правду - а квартире, к сожалению, всё равно.

Где-то в темноте чердака, за грудой шкур, завозилась мышь, и этот совершенно обыденный, домашний звук неожиданно принёс больше утешения, чем все заверения Дариана вместе взятые: даже здесь, в мире, где небо буквально решает, кому жить, а кому умирать, мыши продолжали заниматься своими мышиными делами, не спрашивая разрешения ни у какого Небесного Слова.

Я уснула быстрее, чем ожидала. Последней мыслью было не про гончих, не про Регентство и даже не про две неправильные луны за слуховым окном - а про то, что рука Дариана, когда он тащил меня через переулки этой ночи, ни разу не разжалась раньше времени. Мелочь. Глупая, незначительная мелочь. Но именно за неё цеплялось что-то в груди, пока сознание не отключилось окончательно.

Глава 2. Блеф на минимальных исходных данных

- Документы, - сказал патрульный, и это было первое слово, которое я поняла в это утро без перевода Дариана, потому что интонация оказалась абсолютно, до боли узнаваемой: так на Земле говорят гаишники, таможенники и охранники ночных клубов, которым лень разбираться, кто ты такая, но положено спросить.

Я замерла. Мы стояли на перекрёстке торговых рядов, между телегой с рыбой, от которой несло так, что глаза слезились, и лотком со странными фиолетовыми фруктами, я была в плаще, который мне спешно выдали перед выходом из нашего убежища, а передо мной возвышался человек в форме мышинового цвета с эмблемой в виде глаза, вписанного в звезду. Позади него маячил второй, помоложе, с алебардой, которую держал так, будто она вот-вот сама решит упасть.

Документов у меня, разумеется, не было. У меня даже кармана не было - только плащ, а под ним футболка с ретроградным Меркурием и штаны для дома, которые за ночь на чердаке кожевенной мастерской пропитались запахом укуса настолько плотно, что я боялась, вопрос ко мне теперь начнётся не с документов, а с претензий к гигиене.

Дариан рядом со мной не шелохнулся, но я почувствова-

ла, как воздух вокруг него будто уплотнился - тем особым способом, каким уплотняется тишина перед грозой, когда все птицы разом замолкают. Плохой знак. Если он молчит, значит, ситуация серьёзнее, чем кажется на первый взгляд, а выглядела она уже достаточно серьёзно.

- Простите, - сказала я вслух, прежде чем успела как следует подумать, потому что молчание слишком быстро превращается в подозрение, а подозрение - в допрос, а допрос, судя по вчерашнему вечеру, здесь заканчивается плохо. - Документы у меня, к сожалению, конфисковали в мастерской предсказаний три квартала назад, вместе с задатком, представляете? Это возмутительно, я буду жаловаться в гильдию.

Патрульный моргнул. Ровно так же, как моргала я сама вчера, узнав про реальность гороскопов, - с той же смесью растерянности и подозрения, что его сейчас разыгрывают.

- Гильдию предсказателей? - переспросил он.

- Разумеется, - сказала я, вкладывая в голос ровно ту степень оскорблённого достоинства, с которой на Земле рассказывала клиенткам, что их бывшие однозначно попадут под неблагоприятный транзит Сатурна. - Я - консультирующая ясновидица с континента, специализация - синастрия и коррекция натальных дисбалансов, приехала по личному приглашению для консультации одной знатной особы, чьё имя, простите, обязана держать в тайне из соображений профессиональной этики. Мой ассистент, - я кивнула на Дариана, стараясь не встретиться с ним взглядом, потому что была

абсолютно уверена, что в этот момент он готов меня придушить прямо здесь, на рынке, - сопровождает меня, поскольку моё зрение после интенсивной сессии чтения звёзд временно ослаблено, а личные вещи, повторяюсь, остались в мастерской на Локтевой улице, где я вчера консультировала одну особу с вопросом о выгодном транзите для торговли зерном.

Повисла пауза, в которой я успела мысленно попрощаться со свободой, жизнью и, пожалуй, зубами.

- Локтевая улица, - повторил патрульный, доставая из-за пояса потрёпанный блокнот. - Номер дома?

- Семь, - сказала я наугад, потому что откуда, ради всего святого, мне было знать номера домов в городе, в котором я провела ровно одну ночь. А название улицы я вчера увидела на табличке, мимо которой мы пронеслись, когда бегали по переулкам.

Он записал. Медленно, старательно, будто номер имел для него какое-то значение помимо галочки в отчёте, и я мысленно взмолилась всем богам обоих известных мне миров, чтобы дом номер семь на Локтевой улице действительно существовал и желательно принадлежал кому-то, кто не станет опровергать мою историю в ближайший час.

- А ваш ассистент? - патрульный перевёл взгляд на Дариана, и я увидела, как он, скользнув глазами по его плечам, слегка поменял стойку - едва заметно, но достаточно, чтобы понять: этот человек умеет оценивать угрозу профессионально, а Дариан выглядел как минимум на две угрозы од-

современно.

- Немой, - сказала я быстро, прежде чем Дариан успел бы вставить хоть слово и, вероятно, всё испортить одной короткой репликой в своей фирменной манере рубить правду. - С рождения. Отличный слух, но говорить не может. Незаменим в моей практике, кстати, - клиенты меньше нервничают, зная, что подробности их гаданий не станут темой для сплетен на постоялом дворе.

Патрульный посмотрел на Дариана долгим, изучающим взглядом. Дариан, надо отдать ему должное, среагировал мгновенно и абсолютно убедительно: чуть склонил голову набок, разведя руками с видом человека, извиняющегося за собственную бесполезность в разговоре, - и это оказалось, пожалуй, единственный раз за всё наше знакомство, когда он сыграл роль настолько чисто, что даже я на секунду усомнилась, действительно ли он умеет разговаривать.

- Крупный он у вас, - заметил патрульный, обходя нас по кругу с той неспешной обстоятельностью, с которой на Земле осматривают подержанный автомобиль перед покупкой. - Немой немой, а руки как у молотобойца. Станный ассистент для гадалки.

Сердце у меня ухнуло куда-то в район пяток, но голос, к собственному изумлению, не дрогнул ни на полтона.

- Именно поэтому и незаменим, - сказала я, позволив себе лёгкую, снисходительную улыбку, будто вопрос был до смешного наивным. - Клиенты этого города, простите за пря-

моту, порой не понимают слова "нет" с первого раза, особенно когда речь заходит о неоплаченных сессиях. Молчаливый ассистент с такими руками решает подобные недопонимания значительно быстрее, чем любые уговоры.

Второй патрульный, помоложе, издал звук, подозрительно похожий на сдавленный смешок, и тут же закашлялся, спрятав лицо за поднятой алебардой. Старший смерил его коротким взглядом, явно откладывая разговор на потом, и снова повернулся ко мне.

- Разумно, - признал он наконец, хотя явно через силу. - Хотя я бы на месте гильдии обязал вас носить хотя бы знак принадлежности. Мошенники в последнее время только и делают, что прикрываются вашим ремеслом.

- Не могу не согласиться, - сказала я с той степенью искреннего негодования, которую тренировала годами на прямых эфирах с недовольными комментаторами. - Именно поэтому я лично требую от гильдии реформы регистрации ещё с прошлого сезона. Знаете, сколько репутационного ущерба нанесла мне одна шарлатанка с континента, называвшая себя моей ученицей? До сих пор разгребая последствия.

- Хорошо, - сказал наконец патрульный, убирая блокнот. - Направляйтесь в участок на Соборной площади сегодня же и восстановите документы. Без бумаг в столице задерживают на двадцать четыре часа для проверки, я обязан предупредить.

- Разумеется, - улыбнулась я максимально солнечно. -

Сразу после того, как закончу сессию для клиентки. Вы же понимаете, прервать чтение звёзд на середине - дурная примета, можно навлечь обратный эффект транзита на саму себя.

Он неопределённо хмыкнул - не поверил, не разоблачил, застрял ровно посередине, где застревают все, кто слышит нечто, звучащее одновременно нелепо и слишком специфично, чтобы быть выдумкой на ходу, - и махнул рукой, отпуская нас.

Мы прошли квартал, другой, третий, и я уже почти позволила плечам расслабиться, когда взгляд зацепился за деревянный щит у стены цирюльни - свежий, судя по цвету дерева, с наклеенным поверх старых объявлений листом пергамента. Текста я разобрать не успела, но рисунок разглядела прекрасно: женское лицо, схематичное, с преувеличенно острым подбородком и копной кудрявых волос, набросанное явно наспех, но узнаваемое ровно настолько, чтобы у меня внутри всё оборвалось.

- Дариан, - выдохнула я одними губами, замедляя шаг.

Он проследил за моим взглядом и, не меняя темпа, взял меня под локоть - не резко, а спокойно, будничным жестом, каким ведут под руку даму на прогулке, - и увёл в соседний переулок ещё до того, как я успела остановиться и уставиться на объявление подольше.

- Не смотри, - сказал он тихо. - Смотреть на собственный портрет - первое, что выдаёт человека с такого плаката. Гон-

чие обучены замечать именно это.

- Там я, - прошептала я, всё ещё чувствуя, как колотится сердце где-то в горле. - Меня уже рисуют на досках объявлений. Через сутки. Это... это же рекордные темпы даже для очень дотошной бюрократии.

- Регентство не тратит время, когда чувствует угрозу, - сказал он мрачно. - Это должно тебя пугать больше, чем радовать быстроте их художников.

Мы прошли ещё три квартала в абсолютном молчании, прежде чем я позволила себе выдохнуть.

- Ну как я выкрутилась? - спросила я шёпотом, стараясь звучать бодрее, чем чувствовала себя на самом деле, потому что колени у меня к этому моменту дрожали настолько, что я боялась, это станет заметно со стороны. - Скажи честно, оценка от одного до десяти.

Дариан молчал ещё несколько шагов, глядя прямо перед собой.

- Семь, - сказал он наконец.

- Всего семь? Да я только что выдумала целую биографию, профессию, диагноз, состоящий из одной фразы - «немой ассистент», и заставила вооружённого человека поверить в это на ходу!

- Диагноз, - повторил он с той же ровной интонацией, - которым ты наградила меня, не спросив моего мнения на этот счёт.

- А у тебя было мнение? - парировала я, вскидывая брови.

- Ты стоял с лицом человека, у которого мнений в принципе не бывает, только приказы и осуждающие взгляды.

- У меня, - сказал он мрачно, обходя лужу на мостовой, - было мнение с той самой секунды, как я узнал, что круг вытянул тебя, а не кого-то более удобного в общении. Немой ассистент - ещё не худшая роль, которую мне пришлось бы играть рядом с тобой.

- Ну извини, что не подошла под твой идеальный, молчаливый профиль, - фыркнула я. - Может, тебе стоило заказывать более конкретное техническое задание вселенной. "Пришлите мне спутницу с натальным Меркурием в Деве, покладистую, немногословную, без единой шутки в анамнезе".

Он покосился на меня искоса - я уже начинала различать этот взгляд среди прочих его выражений: смесь раздражения и того самого невольного веселья, которое он изо всех сил пытался скрыть за нахмуренными бровями.

- Восемь, если бы ты не выбрала номер дома наугад, - сказал он. - На Локтевой улице нет дома семь. Есть дом семнадцать, принадлежащий кузнецу, и участок под номером семь пустует после пожара три года назад.

Я почувствовала, как у меня похолодели пальцы, несмотря на то что утро выдалось тёплым, почти душным от запаха рыбы и раскалённого на солнце булыжника.

- То есть, - сказала я медленно, - если он пойдёт проверять...

- То найдёт пустырь, а не мастерскую предсказаний, - закончил Дариан ровно, - и хватятся нас в течение часа, максимум двух.

- Отлично, - выдохнула я. - Просто отлично. Спасибо, что сказал это только сейчас, а не пока я ещё выдумывала легенду, было бы очень кстати.

- Ты справилась быстро, - сказал он, и в его голосе прозвучало что-то, чего я никак не ожидала услышать от него - меньше суток назад обещавшего мне два варианта смерти на выбор: подобие уважения, тщательно упакованное в максимально сухую интонацию. - Большинство людей в такой ситуации либо молчат, выдавая себя тишиной, либо начинают путаться в деталях через две фразы. Ты не запуталась ни разу.

- Несколько лет практики, - сказала я, стараясь звучать легче, чем ощущала себя внутри, потому что ощущала я себя ровно так, будто только что прошла по канату над пропастью и лишь сейчас, оказавшись на твёрдой земле, обнаружила, что канат был толщиной в нитку. - Врать уверенно - это ремесло, а не талант. Талант тут вообще ни при чём, если честно.

- Это не враньё, - сказал он, останавливаясь у поворота в очередной узкий переулок и оглядывая улицу позади нас цепким взглядом человека, привыкшего проверять хвост за спиной прежде, чем идти дальше. - Враньё - это когда ты говоришь то, во что сама не веришь, ради выгоды. То, что ты

сделала, - это игра на чужих ожиданиях. Разница есть, даже если результат выглядит одинаково.

Я посмотрела на него, пытаюсь понять, был ли это комплимент, оправдание или просто наблюдение вслух, но лицо его, как обычно, выдавало ровно столько эмоций, сколько выдаёт закрытая дверь.

- Знаешь, - сказала я, - это самая позитивная вещь, которую мне сказал сегодня человек, полдня назад грозивший мне двумя видами смерти.

- Обстоятельства изменились, - сказал он и первым шагнул в переулок, не дожидаясь, продолжу я разговор или нет.

Мы вышли на небольшую площадь, зажатую между тремя рядами домов, где вокруг колодца собралась стайка женщин с вёдрами - обычная сцена, которая на Земле повторялась бы у офисного кулера, только здесь роль места для офисных сплетен исполняла лавка у воды. Дариан замедлил шаг, явно намеренно, и я поняла: он хочет послушать, о чём говорят, не привлекая внимания к самому факту слушания.

- ...говорю тебе, в этом году торжества будут пышнее обычного, - говорила одна из женщин, полная, краснощёкая, придерживая ведро на бедре с той небрежной силой, которая приходит только после многих лет физического труда. - Соседка служит на кухне дворца, сказала, заказали втрое больше свечей против прошлого года.

- Двадцать лет всё-таки, - отозвалась вторая, помоложе, с младенцем на руках, который сонно посапывал ей в плечо.

- Круглая дата. Регентша своего не упустит, покажет всему двору, что власть держится крепко.

- А толкование? - спросила третья, худая, нервная, то и дело оглядывающаяся по сторонам, будто боялась, что сам вопрос может навлечь неприятности. - Слышала, придворная Провидица в этом году волнуется больше обычного. Моя золовка видела её на кухне, руки тряслись так, что чашку не могла удержать.

- А когда Зарайя не волнуется, - фыркнула полная, - расскажи мне. Она с той поры, как заняла место при дворе, дрожит, будто вечно ждёт, что потолок обвалится ей на голову. Может, оно и обвалится в один прекрасный день, вот тогда и будет ей повод для настоящего волнения.

Женщины рассмеялись, тем невесёлым смехом, каким смеются люди, знающие, что шутка ближе к правде, чем хотелось бы, и разошлись каждая в свою сторону, покачивая полными вёдрами.

Дариан не произнёс ни слова, пока мы не отошли от площади достаточно далеко, чтобы разговор точно не долетел до чужих ушей.

- Три недели, - сказал он наконец, и я не сразу поняла, что он озвучивает мысль вслух впервые за весь день, а не пересказывает мне что-то давно известное. - Годовщина переворота. Каждый год в этот день Провидица Коллегии обязана предьявить толкование, подтверждающее право Илсевет на трон. Обычно формальность. В этом году, судя по слухам,

формальностью уже не пахнет.

- Потому что я здесь, - сказала я тихо, и это не было вопросом.

- Потому что ты здесь, - подтвердил он. - Аномалия - последнее, что нужно любой власти перед публичным ритуалом легитимности. Если Регентство узнает о тебе раньше, чем мы успеем понять, кто ты такая на самом деле, тебя используют как повод для чего угодно - от публичной казни в назидание до полноценной охоты на всех, кто мог бы иметь отношение к старой крови.

- Звучит так, будто у меня появился персональный дедлайн, - сказала я, стараясь, чтобы голос звучал легче, чем ощущалось внутри, потому что земная привычка шутить перед лицом катастрофы, кажется, работала одинаково в обоих мирах. - Три недели, чтобы разобраться, кто я такая, прежде чем на площади состоится представление с моим участием, о котором меня забыли предупредить.

Дариан посмотрел на меня долгим взглядом, в котором впервые за день не было ни подозрения, ни расчёта - только что-то похожее на усталое, почти невольное признание: план, который он строил годами, только что обзавёлся часами, тикающими значительно громче, чем ему хотелось бы.

- Именно так, - сказал он.

Я поспешила за ним, стараясь не отставать, пока в голове крутилась одна и та же мысль, неприятная, липкая, никак не желающая отпустить: патрульный записал номер дома

в блокнот. Записал старательно, аккуратно, будто это имело значение. А значит, рано или поздно кто-то этот блокнот откроет - и не найдёт там ничего, кроме пустыря и моего имени, привязанного к легенде, которая развалится при первой же проверке.

Рынок вокруг нас гудел своей обычной, равнодушной ко всем чужим драмам жизнью: кто-то торговался за связку лука, кто-то отгонял мух от прилавка с сыром, ребёнок лет семи гонялся за петухом с азартом, достойным лучшего применения. Я смотрела на это и думала, до чего же несправедливо устроена вселенная - весь мир может рушиться конкретно для тебя, а рыночная торговля будет идти своим чередом, будто ничего не происходит.

- Нам нужны документы, - сказала я, когда мы наконец остановились у прилавка с той самой странной фиолетовой едой, которую Дариан молча купил, протянув продавцу несколько мелких монет без единого слова торга. - Настоящие. Иначе я так и буду сочинять биографию каждому встречному со звездой на груди, и рано или поздно кто-то из них решит проверить факты до, а не после разговора.

- У меня есть человек, - сказал Дариан после паузы, разглядывая фрукт в своей руке с таким видом, будто решал сложную тактическую задачу, а не выбирал, с какой стороны укусить. - Не совсем законный. Но надёжный - надёжнее половины чиновников этого города, если уж на то пошло.

- Звучит обнадёживающе в самом худшем смысле этого

слова.

- Пойдём, - сказал он, не удостоив меня комментарием, и первым свернул в сторону узких кривых улочек, начинавшихся сразу за торговыми рядами, где брусчатка сменилась утоптанной землёй, а вывески лавок - выцветшими, полустёртыми знаками, которые я даже не пыталась расшифровать.

Контакт Дариана оказался сгорбленным стариком с одним слезящимся глазом, сидевшим в тесной комнатке, заваленной пергаментами, чернильницами и печатями всех форм и размеров, - место больше напоминало склад канцелярских принадлежностей, чем чью-либо мастерскую. Пахло здесь чернилами, воском и почему-то яблоками, источник которых я так и не обнаружила за всё время визита.

- Кром, - произнёс старик вместо приветствия, не отрываясь от работы над каким-то документом, буквы на котором выводил с точностью, заставившей меня мысленно поаплодировать: моя собственная каллиграфия на Земле выглядела так, будто её создавала курица, обмакнутая в чернила и пущенная по столу. - Опять неприятности?

- Как обычно, Хорс, - сказал Дариан, усаживаясь на низкий табурет без приглашения, с видом человека, бывавшего здесь настолько часто, что церемонии давно потеряли смысл. - Документы. Полный комплект, на имя, которое ты сам выберешь, лишь бы не пересекалось ни с одним из известных тебе розыскных листов.

Старик наконец поднял взгляд на меня, разглядывая долго, придирчиво, будто оценивал не человека, а холст перед тем, как решить, сколько запросить за портрет.

- Чужестранка, - констатировал он не как вопрос, а как диагноз. - Издалека. Очень издалека, судя по покрою одежды и осанке - вы держитесь так, будто вас с детства учили, что сутулиться неприлично, а не потому что боитесь удара по спине. Здесь так не воспитывают.

- Вы наблюдательны, - сказала я, стараясь звучать спокойнее, чем чувствовала себя внутри, потому что старик за минуту разглядел обо мне больше, чем патрульный за весь утренний допрос.

- Наблюдательность - моё ремесло, - хмыкнул он, откладывая перо и придвигая к себе чистый лист. - Имя?

- Ада Стрельцова, - сказала я, и, поймав предупреждающий взгляд Дариана, быстро добавила: - Хотя, полагаю, для документов вам нужно что-то более местное.

- Оставим имя, - вдруг сказал старик, чем удивил меня едва ли не больше всего услышанного за это утро. - Необычное имя привлекает меньше внимания, чем вы думаете, - люди слишком заняты собственными проблемами, чтобы удивляться чужому имени, если оно произносится с достаточной уверенностью. А вот фамилию я бы сменил. "Стрельцова" звучит слишком похоже на титул одного из южных домов, а вам сейчас точно не нужно, чтобы вас с кем-то путали.

- Как насчёт просто "с континента"? - предложила я. - Без

фамилии вовсе, только имя и род занятий. Гадалка, астрологиня или предсказательница.

- Сойдёт, - сказал он, снова берясь за перо. - Дороже будет стоять печать гильдии предсказателей, раз уж вы решили именно этой легендой прикрываться. Настоящая печать, не подделка, - у меня есть знакомый в самой гильдии, обойдётся втрое дороже базового комплекта, зато выдержит любую проверку, которую способен устроить обычный патрульный.

- Мы заплатим, - сказал Дариан прежде, чем я успела спросить, чем именно мы собираемся платить, учитывая, что моё земное состояние в текущем мире стоило ровно столько же, сколько стоят рубли на Марсе.

Старик кивнул, будто вопрос оплаты его вовсе не занимал, - видимо, за годы знакомства с Дарианом успел выработать полное доверие к его платёжеспособности или, что вероятнее, был слишком мудр, чтобы обсуждать деньги раньше готового товара.

- Три дня, - сказал он. - Раньше не выйдет, если хотите настоящую печать, а не то, что развалится при первом внимательном взгляде.

- У нас нет трёх дней, - сказала я тихо, и Дариан коротко, едва заметно кивнул, соглашаясь.

- Два, - сказал старик после паузы, окинув нас обоих взглядом, в котором мелькнуло что-то похожее на сочувствие, - профессиональное, без лишней теплоты, но всё же настоящее. - Быстрее не могу физически, даже если вы пред-

ложите золото самой Регентши. Магия печати требует времени застыть, иначе она попросту не сработает под проверкой Небесного Слова, а фальшивая печать, которая рассыпается при первом гадании, хуже, чем полное отсутствие документов вообще.

Пока старик записывал детали заказа, я невольно заметила, как Дариан снял с пояса что-то небольшое, завернутое в тряпицу, и молча положил на край стола - не деньги, судя по форме и тому, с какой неохотой пальцы разжались. Хорс развернул тряпицу, оценивающе присвистнул и тут же убрал предмет в ящик стола, не сказав ни слова благодарности, будто сделка была настолько очевидной, что комментарии казались излишними.

- Что это было? - спросила я, когда мы вышли за дверь.

- Не важно, - сказал Дариан коротко, тем тоном, который я уже научилась распознавать как "дверь закрыта, ключ выброшен".

- Дариан.

- Это была вещь, - сказал он, не оборачиваясь, - которая стоила больше, чем документы, которые мы получим. Достаточный ответ?

Я не стала настаивать, хотя внутри что-то неприятно кольнуло при мысли, что мой побег уже обходится ему дороже, чем он готов признать вслух. Восемь лет я торговала уверенностью за деньги клиентов и ни разу не задумывалась, чем расплачиваются те, кто верит мне достаточно, чтобы пла-

тить. Теперь роли поменялись местами настолько резко, что я не была уверена, готова ли к этому уроку - учиться быть той, за кого платят, а не той, кто выставляет счёт.

Мы вышли обратно на улицу, и я почувствовала, как усталость последних суток наконец начинает догонять меня всерьёз - не адреналиновая, острая усталость от бега и страха, а тяжёлая, вязкая, из тех, что оседают в костях.

- Два дня, - повторила я, скорее для себя, чем для Дариана. - Значит, ещё два дня притворяться консультирующей ясновидицей с континента перед каждым встречным со звездой на груди.

- Два дня, - подтвердил он, и что-то в его голосе, какая-то новая, непривычная интонация заставила меня взглянуть на него внимательнее. - Ты неплохо справляешься для человека, который узнал о существовании этого мира меньше суток назад.

- Это комплимент? - спросила я, не удержавшись от лёгкой издёвки, потому что после утра, полного смертельной опасности, мне физически необходимо было хоть немного пошутить, иначе внутреннее напряжение грозило выплеснуться чем-то куда менее контролируемым, чем сарказм.

- Наблюдение, - сказал он, но уголок его рта на долю секунды дрогнул - настолько незаметно, что будь я менее внимательна к чужим лицам после стольких лет чтения клиентов, я бы, наверное, пропустила это движение вовсе.

Голод, впрочем, не признавал никаких дедлайнов и на-

помнил о себе с прежней настойчивостью, стоило нам поравняться с прилавком, откуда тянуло чем-то жареным, острым и одуряюще вкусным - смесь дыма, перца и ещё чего-то незнакомого, от чего у меня немедленно свело челюсть в предвкушении. Дариан, поймав мой взгляд, молча свернул к прилавку и обменялся с продавцом парой коротких фраз, после чего мне в руки лёг свёрток из широкого листа, внутри которого обнаружилось нечто среднее между шаурмой и пирожком - мясо, тушёные овощи и соус настолько жгучий, что на втором укусе у меня из глаз брызнули непрошенные слёзы.

- Это нормально? - прохрипела я, обмахиваясь свободной рукой, пока Дариан наблюдал за мной с выражением, которое у менее сдержанного человека можно было бы назвать откровенным весельем.

- Нормально, - подтвердил он. - У чужестранцев на континенте та же реакция. Считается хорошим тоном не жаловаться вслух.

- Я и не жалуюсь, - выдавила я, вытирая глаза тыльной стороной ладони. - Я просто временно ослепла. Разница есть.

Мы присели на низкую каменную ограду у фонтана, давно пересохшего, судя по мху в чаше, и некоторое время молчали, занятые едой и наблюдением за площадью - привычка, которую я, кажется, начинала перенимать от него быстрее, чем язык или местные жесты. Люди вокруг жили своей обычной жизнью: торговец точил ножи прямо на глазах у очереди, двое мальчишек играли в нечто похожее на клас-

сики, только с камешками вместо мела, старуха у соседнего прилавка громко торговалась за пучок зелени с таким азартом, будто на кону стояла судьба королевства, а не пара медных монет.

- Можно вопрос? - спросила я, когда первый жгучий шок от еды немного отступил. - Настоящие Провидцы. Те, кто действительно читает Небесное Слово, а не блефует, как я вчера перед патрульным. Как это вообще работает? Я имею в виду - технически.

Дариан прожевал, обдумывая ответ дольше, чем требовал сам вопрос, - я уже привыкла к этой его манере: он никогда не отвечал первым, что приходило в голову, будто каждое слово проходило внутреннюю таможенную перед тем, как покинуть рот.

- Никто до конца не знает, - сказал он наконец. - Даже сами Провидцы. Они смотрят на карту неба в момент рождения человека, читают положение звёзд и трещин, - ты видела трещины вчера ночью, те серебряные линии, - и через них видят узор, который тянется вперёд, к будущим событиям. Не буквально видят, не как в детской книжке с картинками. Скорее чувствуют форму. Как ты чувствуешь, что человек ляжёт, ещё до того, как он договорит фразу.

- Значит, это тоже интуиция, - сказала я медленно, - просто подкреплённая настоящей магией, а не одиннадцатью годами насмотренности на чужие микровыражения.

- Возможно, - сказал он, глядя на меня внимательнее, чем

требовал разговор о теории магии. - Ты находишь это забавным?

- Я нахожу это до ужаса знакомым, - призналась я, отставив в сторону недоеденный свёрток, потому что аппетит внезапно уступил место чему-то более острому, чем перец в соусе. - Всю жизнь я говорила себе, что моя работа - представление, спектакль для клиентов, которым нужна не правда, а разрешение сделать то, что они и так собирались сделать. А теперь выясняется, что где-то есть мир, в котором ровно тот же навык - читать людей, чувствовать форму будущего до того, как оно наступит, - считается настоящим даром, а не разводкой за три тысячи рублей сеанс.

- Может быть, - сказал Дариан тихо, - разница не в даре. А в том, готов ли ты отвечать за то, что говоришь вслух.

Я посмотрела на него долгим взглядом, и впервые с момента нашего знакомства мне показалось, что мы говорим не о магии вовсе, а о чём-то куда более личном для нас обоих - о цене уверенности, которую каждый из нас носит как броню, не задумываясь, во что она обходится тем, кто рядом.

Пискля, до этого молча дремавший на плече Дариана, приоткрыл один глаз и каркнул тихо, почти лениво, будто озвучивал мысль, которая давно вертелась у него на языке, а не только что пришла в голову:

- А вот теперь, - сказал он, - начинается по-настоящему интересная часть истории.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.